

На тихих плёсах

В школе мы с Васькой Чернопятым были в числе переростков. Весной сорок первого нам стукнуло по восемнадцать, а мы только перешли в десятый класс. Нас одолевали одинаковые заботы: к осени нужно заработать хотя бы на одежду, — мы оба ходили в залатанных брюках, в пиджаках, из которых давно выросли.

Мы нанялись сплавщиками грузов. В Качуг нас привезли на машине вместе с двумя десятками завербованных. Для начала всех новичков определили грузчиками. Грузили стальные трубы и громоздкие ящики с надписью: «Не кантовать!». На это предупреждение никто не обращал внимания: разве можно по хлипким мосткам затащить на карбас трёхсоткилограммовую машину, не переворачивая.

Кормили нас в закрытой столовой, где на первое готовили мясной суп, необыкновенно вкусный и сытный. Мы съедали по две порции, потом целый час отдувались, лёжа на траве. Мутная Лена шумно текла мимо нас. Старшой кричал нам: «Эй, голопузые!» Мы наспех скидывали штаны, кидались в обжигающе холодную воду. Погрузка продолжалась до темноты. К вечеру мы снова были голодны до одури. Весь свой заработок проедали. Ночевали в бараке на голых топчанах. Отощавшие клопы с яростью набрасывались на нас. Мы неистово царапались, но не просыпались. Здесь нас разыскал Нилин, преподаватель физкультуры из нашей школы. Он был лет на пять старше нас, успел отслужить действительную и стал преподавателем. В Качуг он приехал, как и мы, — объявления о вербовке соблазнили его тоже.

Нилин был опытнее нас: прежде чем зачислиться в команду сплавщиков, он разведал, какие карбасы будут отплывать раньше. Нилин сходил в отдел кадров и уговорил начальника, чтобы нас всех троих поставили на одну связку.

Четыре карбаса, сваленные вместе, покачивались у берега, в семи километрах ниже Качуга. Мы подоспели, когда погрузка заканчивалась, последние железные бочки с горючим и маслами закатывали в баржи по дощатым настилам.

Путешествие началось утром. Отчалили рано, сырой озnob пробивался под телогрейки. Среди наплывов подвижного тумана холодные и суровые надвигались берега. Вода с глухим шумом билась в борта связки. Течение ударяло в береговой изгиб, выгребая из него сыпучую гальку. Лохматимы дёрана свисали до самой воды.

Разогрелись быстро, раньше, чем над туманными сопками выкатилось солнце. Весло тяжеленное, мы втроём еле ворочали им. Путь от Качуга до Жигалова самый сложный. Русло вихляло между выступами скал, между каменистыми отмелами и островами, заросшими тальником. Большое оранжевое солнце поднималось за нашими спинами.

— Нос вправо! Корма влево! — выкрикивал лоцман.

Мы были то кормой, то носом — связку крутило течением как попало. Вёсла вытесаны из цельных брёвен. Мы старались не погружать лопасть глубоко — так легче грести и выходило податливее.

Мы захлёбывались от впечатлений первого дня: приключений с избытком хватило бы на целое лето. Лена щедро развёртывала перед нами свои берега. Проплыли мимо большого села на правой стороне и скоро врезались в отмель. Днище заскрежетало по гальке, зашатались плотно счлененные карбасы, глухо загромыхали бочки. Лоцман запоздало командовал:

— Корма влево! Нос вправо!

Мы надсаживались из последних сил, но уже напрасно — связка прочно сидела на мели. Вода под напором течения пучилась и бурлила в щелях между карбасами.

— Заводи оплеуху!

Оказывается, на этот случай всё предусмотрено. Толстенная плаха, привязанная сбоку барок, и была оплеухой. Плаху развернули поперёк течения, поставили на ребро. Удержать в таком положении её было трудно. Зато понадобилось несколько секунд, чтобы сняться с мели. Вода взбургилась над оплеухой — заёрзalo днище карбаса, забуровило по гальке.

Толчки были как при землетрясении, и через миг мы уже плавно качались на воде. Снова по команде лоцмана били вёслами, чтобы не проскочить мимо фарватера. Потом – немного спокойного плёса, вёсла подняты кверху, сами мы тоже отдыхаем. И опять неожиданная, как выстрел, команда лоцмана:

– Нос вправо! Корма влево! Не зевай!

Натужно поскрипывая, ходит в гигантской своей уключине громадина весло – мы обливаемся потом. Впереди новые изгибы реки – за ними тоже неизвестность.

Уже в сумерках пристали к берегу. Здесь был наш первый костёр и первая ночёвка под открытым небом.

Сырое, холодное утро в розовом тумане явилось неожиданно по команде: «Подъём!»
И начался новый день.

Жигалово – небольшая деревня на левом берегу. Мы бы и не запомнили её, если бы здесь не сменялись лоцманы и не пришлось три часа простоять в очереди у сплавного ларька за продуктами. Большие домашние ковриги пахли русской печью. На нижней, присыпанной золой корке отпечатались чёрные угольки.

Вечером двадцать третьего июня вышли на тихий безопасный плёс. Решили не приставать к берегу – плыть ночью.

Связка медленно тащилась мимо чёрных берегов. Впереди на шивере река бурлила. Лоцман разбудил нескольких человек. Мы без труда направили карбас на быстрину. Снова можно было заснуть.

К Усть-Куту подплывали, когда туман разогнался. Было около десяти часов. Ещё издали начали подбиваться к левому берегу. Там происходило что-то непонятное. В центре посёлка собралась толпа, слышался голос оратора.

Мы гадали, какой сегодня праздник, и ничего не вспомнили.

Митинг уже кончился, когда пристали к берегу. В киоске продавали местную газету на четвертушке листа – в ней была напечатана речь Молотова. Так мы узнали о начале войны. В нескольких километрах ниже Усть-Кута – Осетрово. Здесь наша связка простояла весь день, сменялись лоцманы. Команде по ведомости выдали немного денег. Нам с Васькой заплатили меньше других – по неопытности мы не поинтересовались в конторе, по какому разряду нас приняли, и нам поставили самые низкие тарифы.

Отплывали утром. Лоцман поднял всех и поставил к вёслам. На этот раз мы водили кормовое весло вдвоём. По команде лоцмана мы стали бить своим веслом к берегу: нужно было развернуть наше корыто наискосок, чтобы пройти мимо катера, причаленного чуть ниже связки. Моторист, свесившись через борт, лениво передразнивал нашего шепелявого лоцмана:

– Нош вправо! – и хохотал.

Лоцман между делом кидал в него матом и от злости ещё больше шепелявил – получалось в самом деле смешно.

Кое-как отвалили от берега, слегка шоркнули по борту катера, и моторист уже не в шутку выматерил лоцмана. Карбас повернуло попрёк течения. Лоцман кричал нам, в какую сторону грести, чтобы выправиться, но пьяные мужики на другом конце связки не могли разобраться, где нос, где крма, и начинали бить вёслами в обратную сторону. Связку крутануло ещё раз – наше весло врезалось в галечник. Мы пытались выправить положение. На помощь подоспел дед Ермилин в ботинках на босу ногу, с незажённой трубкой во рту. Васька стоял по другую сторону весла и тянул бревно на себя. Нас с дедом прижало к бочкам. Я думал, из меня выдавит кишки. Кое-как удалось поднырнуть под бревно. Как раз в это время весло от напряжения выпрыгнуло из уключины. Деда Ермилина, словно щенка, швырнуло за борт. На мгновение он повис над водой, судорожно хватая руками воздух, рядом с ним трубка и слетевший с ноги башмак.

Под смех и улюлюканье зевак на берегу пашу связку повернуло ещё раз. Мы с Васькой прыгнули в лодку выгруживать деда. На воде он держится неплохо, но ботинок и трубку упустил.

Заведующий связкой и лоцман растормошили остальных, поставили к вёслам.

Меня поразило равнодушие, с каким, как мне казалось, все отнеслись к известию о начале войны. Но я был неправ: вскоре выяснилось, что безучастных среди них нет. Теперь во всякую свободную минуту, когда не нужно было ворочать вёслами, затевались разговоры о войне. Война была так далеко, что в ней и поверить было почти невозможно, но она уже стала предметом споров.

Спорщики разделились на два лагеря: в центре одного оказались Нилин и мы с Чернопятовым, главой другого стал дед Ермилин. Сторонников у него нашлось немного, и мы одерживали лёгкие победы. Нилин в прошлом году демобилизовался в звании старшего сержанта. Второй же специалист, дед Ермилин, служил давно, в германскую войну был простым солдатом и к тому же половину войны провёл у немцев в плену.

Вольное течение несло связку по широкой быстрине, мы поднимали вёсла и начинали спорить.

– Недельки через две наши доберутся до Германии. – Я говорил как можно громче потому, что мне хотелось сломить молчаливое неверие Ермилина.

– Фашистам каюк. Врежем – бежать некуда будет, – поддерживает меня Васёк.

Нилин, посмеиваясь, смотрел на нас: дескать, мне-то, служивому, виднее.

– А в самом деле, как думаешь: дойдут за две недели до Германии? – спрашивал его заведующий связкой.

– Ну, за две не за две – за месяц должны.

– Слыши, Ермило-крутило, – обращается заведующий связкой к деду, – что знающий человек говорит. Он небось побольше нас разбирается.

Ермилина нелегко втянуть в спор – знай помалкивает.

– Дед с немцами полюбился, как у них побыл, – вставляет один из сплавщиков. – Хорошо там было?

– Плен, он плен и есть, не скажешь – сладко, – не выдерживает Ермилин. – По хозяйству я там помогал, дело привычное – с лошадьми работал. У них только телеги непохожие и лошади по-другому приучены. Только конь – он конь и есть, хоть русский, хоть немецкий. Кто скотину знает, подход найдёт. Лошадь – она любой язык поймёт, если кто любит её. А кто не любит, так и по-французски не договорится. Только думаю: тяжёлая война будет. Видел я, как там у них... У нас вот как сено в валках дождём тронет, ходим по полю да граблями ворошим, чтобы просохло. А у них машина приспособлена – лошадь в неё запрягается, как, скажем, в конные грабки. Едешь, а она щёлк, щёлк – позади тебя сено в воздух раскидывает. Пока с конца на конец проехал, глядишь, уже и подсохло – греби снова.

– Деда, – перебивает Ермилина Васёк, – так воевать-то не на сеносушках придётся, на танках.

Мы дружно хохочем. Ермилин сконфуженно умолкает.

Несколько дней плыли, не зная никаких новостей. Встретили грузовой пароходик, он тащил баржу кверху. Кричали, спрашивали: как на фронте? Капитан отвечал нам в рупор. Мы не могли разобрать ни слова. Погнались за пароходом на лодке. Подплыли ближе, услышали – капитан через рупор выкрикивал извечную ленскую шутку:

– Эй, на карбасе, продайте лоцмана на мясо!

Мы выложили ему всё, что думаем о нём и о его дырявой калоше, и навалились на весла догонять уплывшую связку.

Видели ещё двух парней. Парни плыли в лодке в Усть-Кут, их вызвали в военкомат. О войне они знали ещё меньше нас: думали, что напали японцы.

Даже в Киренске не узнали ничего нового. В газете было одно: идут упорные бои. Мы с Васькой побежали в сплавную контору увольняться – решили идти в армию добровольцами. В конторе сказали, что расчёт дадут только в Витиме – конечном пункте, куда доставлялся наш груз.

– Радуйтесь, что не попали на связку до Мухтуи или Якутска, – утешили нас.

Неизвестность измучила всех, споры становились злые.

Ермилин казался нам замаскированным шпионом.

Он ходил по раскалённым бочкам босиком, поджимал обожжённые пальцы и твердил своё:

— С немцами не только за месяц, за год не управимся. Дай бог, за два-три года покончить с этой бедой.

Река лениво тащила связку. Навстречу попадались колёсные грузовые пароходы да рыбацкие лодки. Как идёт война, никто не знал. Она была далеко от этих мест, по-настоящему за тридевять земель. Мы впервые мерили землю не на глобусе и начинали понимать, какая она громадная.

К Витиму подошли седьмого июля. Ночи здесь в эту пору короткие и светлые. Последнюю ночь перед Витимом плыли. Опасностей на пути не ожидалось: Щеки и Пьяный Бык остались позади. Луна прокладывала по воде светлую дорожку, и карбасы все время шли по ней. Нудно жужжали комары. Время от времени мы скрипели вёслами, потом отдыхали и смотрели на лунные блики. Дремали. Мне запомнилась эта ночь: и чёрные скалы, и луна, и шум воды на перекатах, и шепелявая команда лоцмана, и усталые руки, которые не хотели ворочать веслом...

Был уже полдень, когда увидели село. Оно стояло на левом берегу, вправо открывалась прорва другой реки — Витима.

Прежде всего мы набросились на газеты.

Немцы прошли Западную Белоруссию, Западную Украину, Прибалтику — вот что мы узнали из газет. Мы не хотели верить этому и читали молча.

Дед Ермилин топтался возле нас одна нога в ботинке, другая обмотана портянкой и обвязана шпагатом, он заглядывал в газеты и спрашивал: «Как тама? Что пишут?» Читать он не умел.
— Наступают немцы, — ответил ему кто-то.

Наша команда разбрелась, только мы трое собирались ехать назад. Нам дали места в гостинице на дебаркадере, там были каюты по четыре койки в два этажа.

На следующий день вечером из Якутска пришёл пароход. Было всего шесть свободных мест, и билеты продали шестерым парням, мобилизованным в армию. Весь пароход был забит новобранцами. Мы напрасно толклись в очереди.

Пароход стоял ещё у причала. Мы сидели на траве и с тоской смотрели на его освещённые окна. Был ранний вечер, и они еле-еле выделялись.

Подошёл одногодий мужик на деревяшке. Деревяшка была сколота и скреплена гвоздём. Мужик слегка выпивши. Он достал из кармана свёрнутую школьную карту, на ней карандашом помечена линия фронта. На эту карту было жутко смотреть.

Снизу по косой тропке поднимался дед Ермилин, на ногах у него были новые ичики. Они неистово пахли дёгтем. Дед как будто обрадовался, увидев нас. Наверно, станет хвастать, что оказался прав он, а не мы.

Ермилин глянул в карту. Одногодий коричневым от курева пальцем провёл по карте вдоль западной границы Союза.

— А вот это Финляндия, — пояснил он Ермилину, черкнув ногтем в верхнем левом углу карты.

Ермилин крякнул и сел на траву рядом с нами.

— Не достали билетов? — спросил он.

— Не хватило. Продают призывникам.

— Война, — сказал одногодий и щёлкнул расколотой деревяшкой.

— Ты бы сменил ногу-то, — посоветовал Нилин.

— Послал пацана срубить чурку. Подсохнет — выстругаю.

— Отдай столяру — аккуратней сделает.

— На кой ляд? Из полена и краснодерёвщик ноги не смастерит. Чурка, она и есть чурка.

— Где это тебя? — спросил Васёк.

— Известно где — на финской.

— Под Выборгом? — поинтересовался Васёк.

— Какой там. Посреди поля. Я того Выборга и в глаза не видал.

Дед опять заглянул в карту.

– Финляндия, – сказал он. – Её и на карте не видать, а война вона куда докатилась. – Ермилин кивнул на деревяшку. – А у немца под сапог без малого вся Европа втиснута. Думал, хоть парни наши не будут воевать, а их вон – полный пароход.

– Своих встретил, что ли? – спросил Нилин.

– Не, мои далеко бродяжат. Младший только в армии. Весной получил письмо из-под Бреста. Теперь не знаю, куда и письмо слать.

Вечер обнял деревню сумерками. Закат расплеснулся над Леной разномастными красками. Пароход прогудел и стал отваливать от причала. Толпа народу внизу заголосила. Пароход описал круг и затарахтел, за шлёпал своими колёсами вверх по течению. Расцвеченный огнями кают, он казался праздничным. На палубе визгливо надрывалась гармошка, удалые парни выкрикивали озорные частушки.

Мы смотрели, как он медленно уплывает. В безлюдных берегах глохло натужное веселье призывников.